

ГОРЬКИЙ ИНЖИР

Впервые!

•
Новые и старые
истории частного
детектива Паши
Синичкина под
одной обложкой!

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Паша Синичкин, частный детектив

Анна и Сергей Литвиновы
Горький инжир (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Горький инжир (сборник) / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2017 — (Паша Синичкин, частный детектив)

ISBN 978-5-699-95764-4

Двоюродная бабушка долго уговаривала частного детектива Пашу Синичкина провести отпуск у нее в приморском поселке. Приехав, Павел узнал, что старушка напугана – по ночам кто-то хозяйничает на ее участке. В первый же день на пляже на Павла было совершено покушение, а ночью во дворе он увидел странного человека... Новый сборник остросюжетных рассказов признанных мастеров детективного жанра Анны и Сергея Литвиновых с первых же строк затянет читателя в мир волнующих приключений, тайн, загадок и хитросплетенных интриг. Главный герой рассказов – частный детектив Павел Синичкин – берется за самые необычные дела, с легкостью и присущим ему юмором находя выход из самых запутанных историй.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95764-4

© Литвиновы А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Горький инжир	6
Экклезиаст ведет расследование	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна и Сергей Литвиновы

Горький инжир (сборник)

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Горький инжир

Никогда не думал, что безмятежный отдых у моря может обернуться таким кошмаром. Впрочем, как критично отзывается обо мне Римка, моя помощница, – свинья грязь всегда найдет.

Но давайте обо всем по порядку.

* * *

В художественных произведениях у частных детективов обычно не бывает родни. Исключение, пожалуй, составляет лишь Майкрофт, брат Шерлока Холмса. Но, согласитесь, в книгах о знаменитом сыщике роль родственных связей крайне слаба. (И в английском сериале с Камбербэтчем, в сравнении с первоисточником, значимость Майкрофта Холмса чрезмерно преувеличена.) Однако в жизни у сыщиков, как и у всяких жителей планеты Земля, обычно имеются мамы-папы, братья-сестры, племянники-дядя. Вот только с женами напряженка. У меня, во всяком случае.

Зато у меня есть, представьте себе, двоюродная бабушка. Зовут ее Маргарита Борисовна. Главное достоинство старушки, как ни цинично сие прозвучит, – ее местожительство.

Проживает Маргарита Борисовна у самого синего моря, в Краснодарском крае, в поселке Тальяново. Всегда можно сорваться и примчаться к ней поплавать-позагорать. В ранней молодости я немало ее гостеприимством злоупотреблял. И с девушками приезжал, и с дружкой моим армейским Саней Перепелкиным (сейчас Саня стал полковником и занимает кабинет на Петровке), и с целой компанией. Маргарита Борисовна была радушна, а места в доме и на участке всем хватало.

Но впоследствии незатейливым сельским удобствам, что предлагала она, появилась мощнейшая конкуренция со стороны пляжей «все включено» Турции и Египта. Да и деньжата в кармане у меня зашевелились. В итоге двоюродную бабушку, к стыду своему, я подзабыл.

Правда, контактов с Маргаритой Борисовной, как воспитанный человек, не терял. Временами ей позванивал – честно поздравлял с Новым годом и днем рождения. Но с недавних пор она – вот бойкая дама! – стала чаще напоминать о себе. Освоила – в своем, довольно преклонном возрасте – интернет, вступила в социальные сети, стала пользоваться мессенджеры, названивать по скайпу. В письмах и месседжах затрагивала разные темы, но центральной оставалась одна: «Приезжай, Пашенька, погостить». Всегда бодрая и активная, Маргарита Борисовна, которую я бабушкой-то никогда не называл, исключительно тетушкой, стала частенько давить на жалость: совсем я, дескать, одна осталась – ни родственников, ни даже друзей. Во всем мире имеется лишь один родной человек: ты, Пашуля. Да и стара я. Кто знает, если промедлишь, доведется ли снова свидеться?

А тут вдруг зазвучала в ее исполнении новая песня. Позвонила мне тетушка по скайпу и в ходе разговора неожиданно наклонилась ближе к камере, понизила голос и говорит:

– Боюсь я что-то, Пашенька.

– Бойтесь? Чего? Или кого?

– Не переживу я эту зиму.

– Со здоровьем что-то неладное?

– Нет-нет, не в том дело.

– А в чем?

– Вот ты приезжай, я все и расскажу, – ушла она от вопроса, натужно рассмеялась и перевела разговор на другую тему.

В итоге я поддался жалости и повелся на интриги. Вдобавок всегдашняя приманка – в виде моря по эконом-варианту – на меня подействовала.

В хмурый осенний денек, когда в Москве зарядили дожди, никаких незакрытых дел надо мной не висело, а прогноз на Черноморском побережье сулил сплошные плюс двадцать пять, я оставил на хозяйстве Римку, оседлал своего верного четырехколесного Росинанта и еще до рассвета выехал в сторону Тальянова и Маргариты Борисовны.

* * *

Приятно, когда в ходе долгого путешествия температура за бортом авто неуклонно повышается. Начиналось все с плюс пяти хмурым московским утром. Но к середине второго дня, после донских и кубанских степей, предгорья Кавказа встретили меня ослепительно ярким небом, чистейшим воздухом и припекающим солнцем. Леса, покрывавшие горы, были лишь слегка тронуты желтизной.

Какой контраст в сравнении со столицей, где желтые и алые клены всю сбрасывали листву, а под низким небом стучащие зубами москвичи тщетно жаждали включения парового отопления! Поистине благословенный край!

Неуклонное потепление придало мне силы, и я завершил полуторатысячекилометровый путь раньше, чем планировал – около четырех часов второго дня.

* * *

Старушка меня ждала. Испекла пирог и приготовила миску инжира.

С гордостью сказала:

– Инжир свой. Без всяких химикалиев. Ешь, пока не посинеешь.

Выглядела Маргарита Борисовна не очень здорово. Десять лет, что миновали с нашей последней встречи (и что скрывал скайп), прошли для нее не даром. Худенькая и совсем седая – да, она двигалась быстро – после очередного тура возни на кухне начинала задыхаться, резко бледнела и была принуждена присаживаться и отдыхать. Казалось, она усохла и сторбилась, а шишковатые пальцы рук скрючил артрит.

– Тетушка, неужели вы сами инжир для меня собирали? – удивился и умилился я.

Она неожиданно смутилась и проговорила неопределенно:

– Да нет, не сама. Есть у меня помощники. – И тему развивать не стала.

Дом бабуленьки притулился на склоне горы, и участок резко уходил вверх. Тетя Марго спросила, где я предпочитаю ночевать: в ее большом и теплом доме или в маленьком, неотапливаемом, гостевом? Домик для гостей располагался на краю принадлежавшей ей территории – дальше, безо всякого забора, начинался лес. Рядом с домиком стояли два молодых дубка, которые за время моего отсутствия сильно прибавили в росте, а дальше могучие дубы, перемежаемые подлеском, распространялись высоко в гору.

Я выбрал для проживания, как всегда, маленький гостевой, тогда хозяйка выдала мне комплект постельного белья и приказала взять электрический обогреватель.

– Ты уж прости, Пашенька, я тебе стелить не буду, не дотащусь.

К гостевому домику вело по склону двадцать семь крутых ступеней. Когда-то их бетонировал муж тетушки, Игорь Поликарпович. С тех пор ступеньки поросли травой и мхом и наполовину осыпались.

Поликарпыч исчез в середине девяностых. Сильно любил он выпить, многожды пропадал из дому на два-три дня, на неделю. А в один «прекрасный» день сгинул с концами. Ни его самого, ни тела так и не нашли. Девяностые вообще были не самым ласковым временем

по отношению к аутсайдерам. Спустя пять лет Игоря Поликарповича официально признали умершим.

Я дотащился с обогревателем до гостевого домика. Открыл дверь ключом, распахнул окно. Было заметно, что в домике давно никто не жил. Воздух затхлый и влажный, по углам развесились клочья паутины, лампочка, когда я включил свет, вспыхнула и перегорела.

С тех пор, как я жывал здесь, обстановка не переменялась и оставалась подлинно спартанской. Меня ожидали две кровати, застеленные солдатскими одеялами, и одна тумбочка. На стене – вешалка и две картинки из иллюстрированных журналов, забранные в сиротские железные рамки: «Медведи в лесу» и «Иван Грозный, убивающий своего сына». Я приладил обогреватель и решил протопить перед сном, прогнать вековую влажность.

Вышел на крыльцо, присел на ступеньку. Под морским ветерком над моей головой шуршали дубы. Вид от гостевого домика открывался бесподобный. Все как на ладони. Большой дом, где проживала Маргарита Борисовна, рядом принадлежащее ей патио со столом и электрической плиткой. Чуть ниже – пыльная улица, где играли мальчишки (в воздухе раздавались их резкие выкрики) и время от времени проползали автомобили. От автострады, проходившей немного в стороне сквозь поселок, доносился ровный неумолкающий шум. А если поднять глаза выше, можно увидеть бесконечные горы, усеянные желтеющим лесом и – кое-где – домиками поселка. И главный бонус гостевого дома (я про него подзабыл): отсюда можно рассмотреть кусочек моря, что проглядывает за складками гор. Море, ровное, синее и прекрасное, блистало всеми своими искрами в закатном солнце.

* * *

К вечеру здорово похолодало, но все равно, по согласованию со мной, тетушка подала ужин во дворе. Я спустился из своего обиталища по щербатым ступенькам. Стремительно темнело. Маргарита Борисовна зажгла фонари. Я надел свитер.

– Полотенце я для тебя в ванной, в большом доме, повесила, – распорядилась хозяйка. – В летнем душе холодно будет мыться. Приходи в дом. Если что, сплю я крепко, не побеспокоишь.

Потом она подала украинский борщ и мяса с картошкой – пищу простую, но сытную. И достала бутылку таманского вина.хлопоты, очевидно, утомили тетушку, и она с облегчением откинулась в своем кресле.

– Если что-то надо сделать, – предложил я Маргарите Борисовне, – что угодно: водопровод, электрику, канализацию или дрова поколоть – вы обращайтесь, пока я здесь.

– Нет-нет, – горячо запротестовала она, – у меня есть кому помочь!

И снова, как в первый раз, не стала развивать тему.

За бутылочкой винца тетушка порозовела, разговорилась. По профессии была она учительницей музыки и еще пять лет назад преподавала в местной школе. Теперь окончательно вышла на пенсию, но до сих пор имела пару учеников, которые приходили к ней музицировать. Старушка с чувством рассказывала различные забавные истории из преподавательской и музыкантской жизни – я смутно припоминал, что слышал иные лет десять назад, когда последний раз гостил у нее.

Потом хозяйка вдруг взяла серьезный тон и проговорила:

– Хороший ты парень, Паша, и, как я вижу, годы московской жизни тебя не испортили. А я, как ты знаешь, женщина совершенно одинокая. Дни мои сочтены – если не в самом буквальном смысле, то, во всяком случае, немного их осталось. Особых богатств я не скопила, но все-таки этот дом с участком... Я справлялась: миллионов за семь-восемь продать его будет можно. – Я стал догадываться, куда она клонит, и мысленно напрягся. – Детей нам с Игорем Поликарповичем, как ты знаешь, бог не дал, а теперь, как его не стало, и вовсе нет у меня никого – кроме тебя. И, по закону, оно ведь все тебе достанется. Хоть и неровный участок, на

горе, а все-таки пятнадцать соток. Вдобавок мой дом, гостевой домик, сарай, беседка, дровник, – начала она расхваливать свое имение в стиле забубенного риелтора. – Деревья плодовые: груша, слива, инжир, черешня. Орехи! Виноградник!.. Поэтому, чтобы не было никакого потом для тебя неудобства, да и налога платить не пришлось, хочу я написать тебе, Пашенька, на все свое хозяйство дарственную.

В кустах на участке что-то зашелестело, хозяйка оборвала себя и испуганно огляделась. Звуки не повторились, и она вздохнула:

– Кошка, наверное... Шляются тут... – Но почему-то понизила голос почти до шепота: – Так что будет тебе, Пашуля, от меня наследство. Хочешь – продашь, а хочешь – как дачу летнюю станешь использовать. Женишься ведь когда-нибудь, наконец, детишек на море будет куда привозить.

Я не большой дипломат, поэтому чуть не вскричал: «Не нужен мне ваш дом с участком, Маргарита Борисовна, ни за какие коврижки!» Но вовремя прикусил язычок и в дальнейшем, в своей ответной речи, постарался всячески подбирать слова – словно пресс-секретарь проштрафившегося президента. Не обидеть бы: старый человек и его наследство – дело деликатное.

Главный смысл моей речи сводился к следующему.

– Я очень горд доверием, что вы мне оказали. Но... Быть наследником ко многому обязывает. Если вы, Маргарита Борисовна, вдруг мне что-то завещаете, то, как честный человек, я буду нести за вас ответственность. Например, если вы, не дай бог, заболеете, за вами ухаживать...

– И совершенно не обязательно, – хмуро припечатала старушка.

– Не перебивайте меня, пожалуйста, я и без того в разговоры не силен, а тут мы столь судьбоносные вещи обсуждаем. Я о чем: конечно, я и безо всякого наследования вас не брошу. И случись что – помогать по мере сил стану. Но вы меня поймите: у меня в Москве работа, бизнес. Какие-никакие отношения.

Тут я слегка приврал, отношений никаких у меня на данный момент не имелось, но ведь в любой момент они могли случиться и начаться. Я продолжал:

– Поэтому мне трудно будет к вам сюда, если не дай бог что случится, из столицы срываться. И вам бы, конечно, лучше найти помощников здесь, в поселке, под боком. Соседей каких-нибудь. Например, Петра с Лией. – Я назвал жильцов ближайшего к тетушкиному дому, с которыми тоже был, по своим прошлым наездам, коротко знаком. – Люди они не самые богатые. Наверное, не сочтут зазорным за вами ухаживать – а так как в современном мире, увы, ничего за здорово живешь не делается, привяжете их участком вашим. А, Маргарита Борисовна?

– Эх, Паша, Паша! – закручинилась тетушка. – Неужто считаешь, я о Сердариных не думала? – Сердарины была фамилия Петра с Лией. – И помогают они мне. Только вот Петр – он человек добрый и простосердечный. Он и дров мне наколет, и выключатель починит, и смеситель наладит. Я ему когда пятьсот рублей суну, когда сто, а когда и просто покормлю. Лия не больно-то его кормит. И то он вечно от всего отнекивается. А Лия, она, ты знаешь, какая характерная? Попросишь ее, когда невмоготу, в магазин сходить – пойдет, конечно. Только принесет продукты, ни слова не скажет, сумку как на стол шваркнет! Вид всегда недовольный. В другой раз и чувствуешь себя плохо, давление или еще что – а сама в магазин тащишься. Лучше, ей-богу, чем Лийку просить.

– Ну, если не Сердарины, может, другого кого из местных?

– Ох, не знаю. Ходит тут ко мне Кристинка, ученица моя бывшая, – девочка вроде хорошая, добрая, да только молодая совсем, шум и ветер в голове. Не знаю, случись со мной чего – возьмется ли? Справится?

Я хотел было пошутить, что тетушке впору тендер объявлять и на него участок со всеми службами выставить, но быстренько осекся: тема такая, что не до шуток. Да и хозяйка от самого сердца вздохнула:

– Ох, Пашенька, Паша! Не приведи тебе на старости лет остаться совсем одному! Врагу не пожелаешь!

Тут я вспомнил, возможно неуместно, что Маргарита Борисовна заикалась мне по скайпу о каких-то своих опасениях, и напрямую спросил: чего вдруг она стала бояться?

– Не знаю. Какое-то нехорошее у меня предчувствие. А потом, знаешь, ходит здесь, по участку, кто-то по ночам. Кустами шуршит. Я уж затемно на двор обычно и не выхожу. Закрываюсь на все запоры. Даже Петра Сердарина раз или два просила у меня в доме переночевать. Хоть Лия и фырчала – да наплевать на нее. Пробыл он здесь, выходил пару раз за ночь. Дотошный! Но ничего не заметил.

– Может, – довольно неловко пошутил я и сразу же устыдился, – Игорь Поликарпович ваш вернулся?

Однако старушка не обиделась.

– Что ты, Паша! Давно уж, наверное, косточки его гниют где-нибудь. Или волнами их смыло.

Тут снизу, с улицы, послышались шаги. «Тук, тук! Можно к вам?» – раздался чей-то ласковый голос. «Входи!» – крикнула Маргарита Борисовна, и по ступенькам, ведущим к патио, стал подниматься только что упомянутый нами человек. Нет, не покойный Игорь Поликарпович, а сосед Петр Сердарин.

– Кого мы видим! – Я встал и раскрыл объятия.

Сердарина я знал по прошлым наездам в Тальяново. Звали его все местные исключительно Петром – не Петечкой, Петрушей или Петькой, – и это всеобъемлюще его характеризовало. Был он здесь, в поселке, в авторитете. Не в том смысле, что связан с криминальными элементами, а в том, что был уважаем окружающими – за ум и справедливость. Мужик он был рукастый и добросердечный, хотя, как многие жители Юга, себе на уме. За мои немногочисленные визиты в Тальяново мы с Петром пару раз сходили на рыбалку (у Сердарина имелся свой катер), жарили вместе шашлыки, выпивали, а однажды он починил стартер у моей «восьмерки» (в пору, когда я гонял на «восьмерке»). В общем, парень он был хороший, и я искренне рад был его видеть.

Мы обнялись.

– Давай, Петр, садись с нами повечерять, – пригласила хозяйка.

– Спасибо, я только что из-за стола.

– Нешто Лийка тебя кормит? – Маргарита Борисовна не считала нужным скрывать перед соседом свое крайне скептическое отношение к его жене. Да тот и сам в разговорах супругницу не жаловал. Хмыкнул:

– Сам себя напичкал.

– Давай винца?

– Нет, завтра с ранья меня отдыхающие на рыбалку подрядили ехать.

– Тогда чайку?

– Не откажусь.

С чаем Петр умял три добрых куска торта, и я подумал, что слова о том, что он, дескать, сыт, были очевидным враньем. Мы с ним позубоскалили, дружно поругали начальство, местное и не только (и было за что). Я спросил, как он провел лето. Оказалось, что, как всегда, в трудах: катал отдыхающих («В открытом море вы сможете встретиться с дельфинами»), возил их на своем катере ловить рыбку, забрасывал туристов в дальние бухты.

– Теперь закончен сезон?

– Подгрэбаем остатки. А ты к нам, Паша, прибыл отдохнуть от трудов праведных?

– Да, погреюсь на солнышке.

– На главном пляжу? – Как все местные, Петр крайне саркастически относился к пляжам вообще, а к поселковому в особенности: толпы людей, вода грязная и кишечная палочка плавает. Купался он (если купался) исключительно с борта катера, отъехав метров на пятьсот от берега.

– Зачем? Поеду на темниковский. – «Темниковским» здесь все называли пляж чуть в стороне от поселка, на котором даже жители Тальянова не считали зазорным принимать морские ванны.

На рыбалку Петя свозить меня не предложил, а я, гордый человек, не стал напрашиваться. Да и понятно: для него ужение рыб – это заработок, что я буду влезать, приятелю бизнес портить.

Вскоре Сердарин ушел.

И почти сразу – не успели мы с Маргаритой Борисовной унести в дом грязные тарелки-чашки и оставшийся торт – появился новый персонаж. В лице юной, хорошенькой девахи с распущенными светлыми волосами, в облегающих шортиках, худенькой и голенастой.

– О, Кристина! – воскликнула моя общительная двоюродная бабушка. – Знакомься, мой племянник из Москвы: Павел.

– А я вас, Павел, знаю и помню. Вы приезжали к бабушке.

– А я вот тебя не помню, – напрямик рубанул я.

– Очень жаль, – кокетливо пропела гостя.

– Да сколько тебе там было, когда он в последний раз сюда наведывался! – накинулась на нее тетя Марго. – Лет девять, десять? У тебя тогда сиськи еще не выросли, а хочешь, чтобы взрослый парень о тебе вспоминал!

– И очень жалко, что не помните, – кокетливо потупившись, обратилась девушка ко мне, – потому что я уже тогда в вас влюблена была.

Кристина взялась флиртовать со мной напропалую. В Белокаменной я слегка отвык, честно говоря, от подобного напора, сколь незатейливого, столь и милого. Москвички все больше воображают из себя недотрог и мечтают продаться подороже какому-нибудь олигарху. А в Тальянове и я, со своими статьями и доходами, вполне котировался.

Девушка то и дело касалась моего предплечья, выпячивала грудь, поправляла волосы и бросала на меня лукавые взгляды.

Я налил ей вина. После бокала она сообщила, что совсем пьяная, и спросила, где я остановился.

– У меня, конечно, он жить будет! – рассердилась тетушка. – Где ж еще?!

– Я понимаю, что у вас, – прощбетала Кристи, – вот только где конкретно? В большом доме или гостевом?

– В гостевом.

– Ой, а покажите мне его, Павел! Сроду там не была, а так интересно. Он ведь на горе – оттуда, наверное, море видно?

– Кристина, – строго сказала Маргарита Борисовна, – Паша только с дороги. Не приставай.

– Ой, ну раз вы устали – тогда я пойду. Может, вы меня хотя бы до калитки проводите? – обратилась девушка ко мне.

– Давай, – вздохнул я. – И можешь называть меня на «ты». Не такой старый еще.

– А на брудершафт мы выпьем?

Тут тетушка рассердилась – впрочем довольно делано.

– Брудершафт ей! Что за вертихвостка! – в голосе Маргариты Борисовны, впрочем, звучали оттенки нежности и гордости – словно она эту вертихвостку вырастила или даже создала своими руками.

Девушка близко наклонилась к пожилой женщине, прошептала – так, впрочем, что я все расслышал: «Не сердитесь, Маргарита Борисовна! Я ведь специально с ним дурачусь!». А потом расцеловала тетушку, поблагодарила за вино и торт, подождала, пока я встал, и пошла по ступенькам, рядом со мной, вниз, к калитке. В какой-то момент как бы оступилась и не шутя привалилась ко мне грудью. Я поддержал ее и отстранился. В голове до сих пор шумела тысячеверстная дорога, слегка покачивало и зверски хотелось спать. Совсем не до юных поселковых соблазнительниц.

Путь наш к калитке пролегал мимо двух-трех бабуленькиных инжировых деревьев. Перезрелые плоды нависали прямо над нашими головами.

– Ты знаешь, как это дерево в древности называли? Смоковница! – воскликнула девушка. – Она же фи́га, она же инжир! Редко какое из деревьев достаивается сразу трех названий, правда? Сорвешь мне один? А то я не достану.

– Держи.

– Фу, какой черный. В нем, наверное, муравьи завелись. А ты знаешь, что именно инжиром Ева соблазняла Адама? А ее, в свою очередь, им же соблазнял змей?

– Что ты говоришь, – насмешливо пробормотал я. Но она не заметила моей высокоумной иронии и продолжила рассказывать:

– Яблоко в Библии придумали потом, специально для вас, жителей средней полосы. Чтобы понятно было. Вы ведь там, у себя, никаких смоковниц не видавали.

– Да, смоковниц у нас нет. И фиг тоже. Да и ни фи́га вообще нет.

Над моим незатейливым каламбуром Кристина расхохоталась так, словно я, в роли стендапера, шутил по тысяче рублей за билет. Мы вышли за калитку и стояли на улице лицом к лицу, довольно близко. Поцелуй прямо-таки назревал – или, возможно, так хотелось девушке. Мимо нас проехала машина, тонированная старая белая «пятерка» с самодельным антикрылом на багажнике. Она слегка сбавила ход – возможно, водитель осматривал нас сквозь глухие стекла в неверном свете отдаленного уличного фонаря. Но когда я развернулся к «пятерке», она ударила по газам и исчезла в глубине улицы, оставив после себя столбы пыли.

– Ты завтра куда поедешь? – спросила Кристина.

– Наверное, на пляж темниковский – если погода позволит.

– Понятно, – вздохнула она. Возможно, девушка ждала продолжения в виде приглашения разделить пребывание на пляже, но его с моей стороны не последовало.

– Пойду-ка я спать, – проговорил я и демонстративно зевнул.

– Ну и пожалуйста, – ответствовала красотка и пошлепала одна по темной южной улице.

* * *

Ночью я в своем домике спал как убитый. Никто не шлся, кустами не шуршал.

Утро оказалось не по-южному холодным. Солнце взошло, но еще не появилось из-за горы, и поэтому на участке тети Марго и в летнем гостевом домике холод пробирал до костей. Я вышел в сад по естественной надобности, затем включил обогреватель и снова уснул.

Когда проснулся во второй раз, дневное светило возникло наконец из-за горы и блистало на тетушкиных розах, мальвах и циниях.

В большом доме я умылся, а Маргарита Борисовна приготовила мне на завтрак сырничков.

Около десяти я выкатился на своей «икс-пятой» из ворот. У соседской калитки стояла Лия, жена Петра Сердарина. Я радушно поприветствовал ее. Она едва кивнула в ответ – буквально на четыре градуса опустила свой подбородок – и надменно отвернулась. «И впрямь неприятная особа», – подумал я.

Путь мой лежал на пляж. Как давний посетитель Тальянова, я знал, что самое лучшее в поселке место для купания – не то, куда ломятся все курортники. Оно находится чуть в стороне, на окраине. Говорили, что его оборудовал, насыпал гальку и поставил волнорезы олигарх Темников. Вряд ли, конечно, олигарху было дело до провинциального пляжа, но тем не менее все дружно именовали этот пляж «темниковским».

Темниковский пляж уютно отделялся от дикого берега двумя волнорезами, далеко выдающимися в море. Летом здесь выдавали лежаки, работали киоски. Но не теперь. Ларьки и шезлонги увезли, и о цивилизации, кроме мостков, мало что напоминало.

Солнце светило ярко, но не обжигало, а ласкало. Море было тихое-тихое и лишь едва-едва ворочалось, как ласковый и ленивый, большой прирученный зверь.

Я разделся и лег на полотенце. Народу было мало и, судя по разговорам, все свои, поселковые. Курортники разъехались, и теперь, проводив их, местные жители с чувством выполненного долга могли и сами, не спеша и со вкусом, насладиться по праву принадлежащим им морем. Так с облегчением вздыхают хозяева, спровадившие шумного, надоедливого, хоть и важного гостя, и начинают неспешно подъедать оставшийся после праздника салат оливье. Салат этот, кстати, на второй день обычно настаивается и выходит таким вкусным, каким редко бывает при гостях.

Вот и теперь: бархатный сезон казался просто прекрасным. Кроме тишины и неспешности, в нем заключалась еще одна прелесть: ясное осознание того, что ничто не вечно. И во всякий день эта ласковая сказка, как и наша жизнь в целом, может прекратиться. Миг – и налетят шторма, ветра, холод: и уже навсегда, на целую осень, а потом и зиму, и весну.

Я вставил в уши капельки-наушники и нежился на солнце. Море было тихое-тихое, даже безо всякого прибоя.

Вдруг совсем близко к берегу, вызывая оживление среди немногочисленных посетителей пляжа, прошла стая дельфинов.

Млекопитающие ушли в сторону Геленджика, и горизонт оказался чист, лишь пролетали иной раз разнообразные лодки и катера. Я пытался угадать среди них Петра, но потом сообразил, что, во-первых, совершенно не помню, на чем он ездил, а, во-вторых, за десять лет он сто раз мог катер сменить. В итоге среди тех, кто рулил плавсредствами, я Сердарина не идентифицировал.

Ясность пространств была такая, что вправо, на расстоянии километров двадцати, легко просматривался мыс Бетта. Влево – обзор чуть ли не Туапсе, а вверх на высоте десяти километров совершенно отчетливо шел самолет. При небольшом усилии воображения можно было представить, что прямо напротив, через море, виднеются берега Турции.

Хорошенько разогревшись, я пошел купаться. Вода в первый момент показалась бодрящей, но я быстро привык.

Дно было видно на глубине и пяти, и десяти метров. Впрочем, скоро я заплыл так далеко, что оно уже не различалось. И люди на берегу стали плохо видны – так, какие-то желтые палочки.

Мимо меня пролетел катер. Я покачался на его волнах, а затем с удивлением увидел, как судно сделало круг и снова пошло назад, в моем направлении. Плавсредство выглядело старым, но могучим. Оно показалось мне смутно знакомым: уж не Петино ли? Я попытался разглядеть, кто сидел за штурвалом – но то, кажется, был не Петр. Какой-то дохлый ссутуленный мужик в свитере, темных очках и надвинутой на лоб бейсболке. А может, даже и не мужик, а женщина – трудно было разобрать.

Катер обошел меня – теперь с другой стороны. Волна, вздымаемая им, оказалась еще выше, чем в первый раз.

И снова он сделал круг, развернулся – и вот помчался прямо на меня! Расстояние между нами составляло метров сорок, и я вдруг со всей определенностью понял: это не шутка, не

удальство, не молодечество! Судно не собирается, из хулиганских побуждений, испугать меня и в последний момент отвернуть – а хочет именно что задавить меня, размазать! По мне проехаться!

Рассуждать – почему вдруг, зачем и что происходит – было некогда, равно как и звать на помощь. Или, допустим, пытаться убежать. То есть уплыть. Поэтому я сделал то единственное, что мне оставалось: набрал полные легкие воздуха – и нырнул вглубь.

Толща воды неохотно принимала меня к себе. Приходилось преодолевать сопротивление. Давление росло. Я бешено работал руками, погружаясь все глубже. На глубине было слышно, как страшно шумит лодочный мотор. Начали сильно болеть уши, но я упрямо шел вниз. Боль усиливалась. Казалось, барабанные перепонки вот-вот разорвутся. Перестало хватать воздуха, и инстинкт самосохранения прямо-таки орал мне: хватит! Надо всплывать!

Я завис в воде, отчаянно работая руками и ногами, преодолевая архимедову силу, пытающуюся вытолкнуть меня. Поднял глаза и глянул на поверхность воды снизу вверх. Шум от двигателя, как и боль в ушах, стали просто нестерпимыми. Прямо надо мной, в буре пузырьков от работающего винта, прошло дно лодки. Оно было красным и кое-где с пятнами ржавчины. Волна, распространявшаяся, как оказалось, не только по поверхности, но и в толщу воды, подхватила, закружила и попыталась перевернуть меня.

В этот самый момент я понял, что не могу больше ждать и, едва не вдыхая воду, стал стремительно всплывать, для быстроты помогая себе руками и ногами. Наконец оказался на поверхности и отчаянно вдохнул, восполняя запасы кислорода. Катер теперь находился метрах в двадцати и снова разворачивался. Неужели он повторит атаку?

Что было сил я бросился отчаянным кролем по направлению к волнолому, далеко выдающемуся от берега. В воде я слышал грохот движка, ощущал запах отработанной солянки. Сквозь потоки воды, струившиеся по моему лицу, я увидел, что катер развернулся, описал широкую дугу и... И снова будет меня атаковать? Я остановился и повернулся к железному чудовищу лицом. Сердце бешено колотилось – но не от страха, страха я не чувствовал, а от нешуточной физической нагрузки. Я задыхался.

Катер стоял прямо передо мной, почти не двигаясь, на холостом ходу. Я видел только его большой красный нос, он нависал и казался мне огромным, словно у линкора. Нас разделяло около пятнадцати метров. Я приготовился снова нырять и сомневался, удастся ли мне теперь уйти от нападения. Хватит ли сил нырнуть на нужную глубину, чтобы избежать столкновения с корпусом и остро-режущим винтом?

Но тут лодка, преследовавшая меня, вдруг повернулась боком и пошла в сторону поселка. На фоне раскаленного солнца мелькнул черный силуэт человека, сидящего за штурвалом. Вскоре плавсредство исчезло за изгибом берега.

Я оглянулся и, кажется, понял, почему катер не возобновил попыток атаковать меня: я находился ровно на траверзе волнореза, и если бы он снова полетел в мою сторону, то мог бы, после того как задавит меня, по инерции наскочить на мостик.

Слава богу, кажется, обошлось. Я немного полежал на воде, отдохнул, а потом вяло погреб к берегу.

Особой ажитации мое возвращение на пляж не вызвало. Пара женщин подошли ко мне, повозмущались опасными маневрами лодки. Я спросил их, не знают ли они, чей катер, – они не ведали.

Прекрасный денек бархатного сезона потерял для меня все очарование. Я собрал свои манатки, сел в машину и вернулся на участок к Маргарите Борисовне.

* * *

Я не стал ни заявлять в полицию, ни самостоятельно пытаться разыскать атаковавший меня катер.

Если бы Сердарин вдруг появился, как вчера, у тетушки, я бы обсудил с ним ситуацию и спросил, кто бы это мог быть. Ни названия плавсредства, ни его номера я не заметил – да и были ли они написаны на борту? Но Петр этим вечером не пришел, а идти самому к соседу, выяснять, я счел чересчур суетливым. Да и не хотелось опять напороться на мрачную сердаринскую Лию.

Не зашла в гости к Маргарите Борисовне и Кристина – хотя я вспоминал о ней раза два: даже чаще, чем собирался.

В дровнике у тетушки я обнаружил пиленные, но не колотые дрова. Наточил топор и занял свой вечер тем, что порубал их. Потом попросил у Маргариты Борисовны швабру и тряпку и, в меру своих умений, прибрался в гостевом домике.

Вечер мы с тетушкой завершили долгим ужином с вином. Слава богу, в ходе посиделок она больше не заговаривала ни о наследстве, ни о том, что чего-то боится. И я этих тем не затрагивал.

* * *

В эту ночь спал я плохо. Не знаю, что было причиной: воспоминания о катере, едва не переехавшем меня утром, или то, что я несколько перебрал со спиртным – у тети Марго оказалась кем-то подаренная чача. Как бы там ни было, в половине четвертого я проснулся – и сна не было ни в одном глазу. За окном стояла глухая южная ночь. Где-то далеко побрекивали собаки. Рассчитывая, что меня скоро сморит, я не стал зажигать свет. Однако и двадцать минут, и сорок ворочался с боку на бок, а сон не шел.

И вдруг за окном я услышал чьи-то шаги. Было совершенно очевидно, что по участку двигался человек. Он пробирался откуда-то сверху, из леса, с горы – там, напомним, тетушкин участок не был защищен никакой оградой. Осторожное движение прошестело рядом с моим домиком. Потом шаги замерли совсем рядом. А через минуту я увидел чье-то белесое лицо, вплотную прислоненное к стеклу со стороны сада.

Я вскочил с кровати. Гость моментально отпрянул, и я услышал, как он бежит вниз по ступенькам, ведущим к основному дому.

Я зажег в домике свет, схватил электрический фонарик и выскочил из двери. Человечья тень мелькнула внизу, в районе главного дома. Я направил туда луч. Однако лишь на долю секунды увидел спину человека в свитере или фуфайке, который ломанулся ниже, к улице.

– Стой, стрелять буду! – вполголоса крикнул я, все-таки не желая разбудить тетушку. Прогремела калитка, скрытая от меня за домом, и человек исчез.

Кто это был? И что ему здесь было надо?

На всякий случай я запер изнутри хлипкую дверь своего домика и подпер ее, на всякий случай, тумбочкой.

Потом еще полчаса поворочался и все-таки уснул.

* * *

Потру я доложил о ночном происшествии Маргарите Борисовне и спросил ее мнения, кто бы это мог быть.

Тетушка ответила, что спала ночью как убитая, никакого крика и шума не слышала, и никаких версий по поводу случившегося не высказала.

Позавтракав с ней, я вывел из гаража свою «бэxu» и отправился на море – в конце концов, отдохнуть я сюда приехал или что.

В этот раз я выбрал не темниковский пляж, а городской – столь дружно презируемый местным населением. Но не потому, что боялся очередного нападения. Напротив, мне почему-то казалось, что ничего подобного больше не повторится. То есть атаки – они, возможно, да, последуют. Но в другой форме. Вот что, например, случилось сегодня ночью? Кто был тот гость? Зачем приходил? Собирался на меня покуситься? Это тот же самый человек, что охотился за мной на бешеном катере?

Лицо ночного гостя я видел одно мгновение, но оно показалось мне совершенно незнакомым. Со всей уверенностью я бы его не опознал – все-таки наблюдал буквально секунду, вдобавок тот, что пытался на море раздавить меня, был в солнцезащитных очках и бейсболке. Я даже не понял, мужчина на катере или женщина. Как, впрочем, не был уверен и насчет пола той особы, что нападала на меня в ночи. И знаете еще что... Я, конечно, материалист и ни в какую загробную нечисть не верю, но тот, кто заглядывал ко мне в домик, почему-то представился мне похожим на вурдалака: абсолютно бледный, с совершенно неподвижными глазами.

Оперативное чутье мне подсказывало, что развязка еще далека и, возможно, странности вокруг меня возобновятся.

Я не собирался плыть по течению и ожидать милостей от судьбы. Будучи в районе городского пляжа, я хотел присмотреться к местам парковок катеров и, возможно, обнаружить то плавсредство, что вчера меня атаковало.

Стоянок катеров и лодок (или, выражаясь по-западному, марин) в поселке имелось несколько, и все они исторически тяготели к городскому пляжу.

Я на «бэхе» запарковался поблизости от первой. Не спеша прошел вдоль стоянки. Однако ничего похожего на вчерашний катер не обнаружил – впрочем, несколько стапелей благополучно пустовало. Погода стояла хорошая, и многие наверняка вышли в море на прогулку или рыбалку.

Я пришел на пляж, разделся на топчане (здесь их, в отличие от темниковского пляжа, еще не убрали). Народу на горпляже оказалось немало, но в основном курортники. Женщина в белом халате торжественно, будто лично организовывала местный климат, объявила в мегафон: «Сегодня, четвертого октября, температура воды – плюс двадцать три градуса! Температура воздуха в тени – двадцать шесть, на солнце – плюс тридцать семь!». Многие отдыхающие заплотировали. Здешняя погода особенно радовала в свете того, что, как объявили утром по телевизору, в Москве ожидалось плюс пять, а в Воркуте выпал снег.

Народ купался. Я тоже пошел в море – хотя, признаюсь, не столь безоглядно, как вчера, а с некоторой опаской. Долго плавал, вот только нырять, учитывая вчерашний опыт и побаливающие уши, не хотелось.

Вышел, вытерся, уселся на топчан. Море было в великолепии. Под ногами шныряли голуби, пытались отыскать какую-никакую пищу в песке. С окончанием курортного сезона у них, как и у российских чиновников в кризис, резко сократилась кормовая база.

Вдруг чьи-то узкие ладошки закрыли мне глаза. За спиной послышалось сдавленное девичье хихиканье.

Я спросил:

– Иван Петрович?

Хихиканье переросло в полноценный смех, к моей спине мимолетно прижалась девичья грудь, ладошки отстранились, я обернулся и увидел – ну конечно же Кристину.

– Отдыхаете? – с оттенком зависти проговорила она.

– А ты что же, работаешь?

– Нет, все, хватит, кафе мое наконец закрылось. С начала сезона без выходных официанткой отпахала. С десяти утра до трех ночи каждый день. Скажи: вот почему – одним все, а другим ничего?

– Философский вопрос. Ты что-нибудь конкретное имеешь в виду?

– Говорят, тебе Маргарита Борисовна дарственную на дом с участком оставит?

– Кто говорит?

– Неважно.

– А что, на тетушкину недвижимость имеются какие-то другие претенденты?

– Не в этом дело. У тебя ведь там, в Москве, наверное, квартира есть. Может, и дача тоже? На «бэхе» разъезжаешь. Вот я и говорю: одним все, а другим ничего.

– У меня еще имеются офис и личная секретарша, – сказал я, чтобы позлить Кристину.

– Ясное дело, – вздохнула она. – Ты домой, к Борисовне, возвращаться сейчас не собираешься?

– Могу.

– Подкинешь меня до дома? А то у нас в поселке, как сезон кончился, маршрутки резко отменили. Все для вас, курортников, у нас тут делается. А местным – фигу.

– Семь рублей.

– А горячий девичий поцелуй тебя устроит?

– Даже боюсь себе представить, – хмыкнул я довольно по-хамски, – как ты расплачиваешься, когда тебе приходится ехать в Сочи.

Кристина сердито фыркнула и, так сказать, замкнулась в гордом молчании.

Но всю дорогу, пока мы шли от пляжа к припаркованной машине, она стреляла по сторонам глазками с таким видом, будто говорила всем встреченным землякам: смотрите! С каким я иду парнем! Да еще с москвичом!

Когда мы проходили марину, то есть место швартовки маломерных судов, я остановился. Дело в том, что к берегу подходил точно тот самый катер, что атаковал меня вчера на темниковском пляже! Я сразу узнал его! Довольно старый, советской еще конструкции, очень железный, крашенный в темно-красный, почти бордовый цвет, с пятнами ржавчины, с плексигласовым защитным стеклом. А управлял судном не кто иной, как мой старинный друг-приятель Петр Сердарин!

Увидев с борта нас с Кристиной, он улыбнулся и скупой взмахнул рукой.

Мы оба помахали в ответ.

– Подожди, Кристинка, – сказал я, – мне с соседом парой слов перемолвиться нужно.

Сердарин выключил мотор, катер на холостом ходу уткнулся носом в землю. Петр спрыгнул в воду, схватил веревку (или, по-морскому, конец) и стал подтягивать судно на берег. Потом зацепил шнур за стапель и пошел поздороваться с нами.

После взаимных приветствий я напрямик спросил его:

– Ты вчера в темниковской бухте был?

Видимо, вид мой был суров, потому что сосед насторожился:

– А что случилось?

– Гонял там какой-то подлец на катере, людей чуть не передавил.

– А я при чем?

– Катер вот этот самый был, – я указал на виновника разговора.

– И во сколько дело было?

– Около часа дня.

– Я так и знал! – в сердцах воскликнул Сердарин и грязно выругался, не стесняясь Кристинки.

– А что такое?

– Ты представляешь, – мой приятель уснастил свою речь другими типично морскими выражениями, которые, впрочем, ни в коей мере не могут быть повторены по соображениям цензуры, – вчера как раз, – он снова перешел на матерную лексику, – катер мой угоняли! А что было-то?

– Да кто-то на катере твоём чуть людей на темниковском пляже не переехал. Ты что, не знал?

Я внимательно следил за реакцией Сердарина на мои слова, и по всему выходило, что он чист и говорит правду – или что-то похожее на правду. И ко вчерашнему наезду на меня вряд ли имеет отношение. Слишком уж искренне он ругался.

– Да как же твое судно угнать-то могли?

– А вот так. Привез я отдыхающих с рыбалки, вот прям здесь выгрузились, потом мужиков знакомых встретил, что-то мы с ними затрындели, а потом глядь, катера-то нет!

– Как же ты его потом нашел?

– Бросили на берегу, у горпляжа. Под вечер. Мужики мне звонят, говорят: не твое ли имущество бесхозное там-то болтается? Ну, я туда.

– И ничего не взяли?

– Канистру только с солярой скоммуниздили.

– Кто б это мог быть, по-твоему?

– Есть у нас тут разные, – неопределенно проговорил Сердарин, – темные личности... Ничего, я их установлю, бошки-то им пооткручиваю.

– Ты и мне дай знать.

– А что такое?

– У меня к похитителям этим свой счетик имеется, – и поведал Петру о том, как с помощью его катера меня вчера пытались размазать по воде на темниковском пляже.

Отчего-то появилась у меня уверенность, что насчет похищения плавсредства сосед не врет. Что не он пытался вчера наехать на меня – слишком Петр открыт и прямодушен, если что ему во мне не понравится, пойдет на вы с открытым забралом, безо всяких подлостей.

– А Лия твоя, кстати, править катером умеет? – спросил я.

Сердарин хмыкнул.

– Думаешь, она совсем с ума сошла? – в разговорах с соседями Петр свою женку обычно не щадил. – Да, я ее учил водить, она умеет. Вот только зачем ей?

Я не стал делиться с приятелем своими соображениями относительно тетушкиного наследства, и мы распрощались.

Дошли до парковки и сели с Кристинкой в мою «БМВ».

– Эх, какая у тебя машинка! – с восхищением вздохнула девушка. – Гоняешь, небось?

Из чувства противоречия я поехал медленно-медленно.

Поселок Тальяново лишь одним своим краем выходил к морю и далеко распространялся в глубь материка, обживая всю долину, расползаясь по ней домиками. Расстояние от участка тети Марго до пляжа составляло, согласно спидометру, почти пять километров. За те годы, что я тут не был, поселок обустроился, похорошел. Появились дорожные указатели – названия навевали южную негу и расслабуху: улицы Санаторная, Вишневая, Отрадная, Самшитовая. И даже переулок Счастливый. Подумать только, Счастливый!

Дорога шла по-над речкой, прихотливо изгибаясь в такт ее движению. Где-то внизу шумел поток. Ни попутных, ни встречных машин не наблюдалось – вот что значит конец сезона.

Вдруг сзади, из всех сил натужно ревя двигателем, меня догнала какая-то машина. Я глянул в зеркало заднего вида: явное детище советского автопрома – белая «пятерка». Повисла у меня прямо на бампере. Через ее лобовое стекло я постарался рассмотреть водителя. Он был в темных очках и бейсболке и показался мне смутно знакомым. Возможно, как раз тот самый,

что пытался убить меня вчера на море, и тот, кто заглядывал ко мне в домик. Желая лучше его рассмотреть, я не стал ускоряться и ехал, как прежде, раздражающе вальяжно: отдыхающий москвич на иномарке. Тогда, в самом узком месте, где любыми правилами обгон запрещен и опасен, «пятера» поддала газу, грохоча своим движком, и принялась обходить меня по встречке. Любое авто, вдруг выскочившее из-за поворота, неминуемо погубило бы шального водителя – и, возможно, нас с Кристиной тоже. Памятуя о старом шоферском законе: «Дай дорогу дураку», – я, чтобы помочь идиоту побыстрее завершить обгон, совсем сбросил скорость и подался правее, к обочине. «Пятера» наконец обошла мою «БМВ», но вместо того чтобы поблагодарить, она, напротив, оказавшись перед моим капотом, совершенно по-хамски, изо всех сил ударила по тормозам. Глупое провинциальное молодечество! Мне тоже пришлось жать на тормоз – да с такой силой, что даже сработала система экстренного торможения. А «пятера», выпуская клубы сиреневого дыма из выхлопной трубы, прибавила газа и унеслась вперед, а потом резко свернула налево, на второстепенную дорогу, и исчезла там среди домиков. Вероятно, по пацанским понятиям, мне стоило настичь водителя и проучить – однако мне совершенно не хотелось гоняться с местными в лабиринте неасфальтированных поселковых улиц.

Я оглянулся на Кристину. Ее лицо закаменело.

– Ты его знаешь? – спросил я.

– Много у нас тут идиотов носится, – ответила она неопределенно.

Не один водитель показался мне смутно знакомым. Машина – тоже: белая «пятерка», самодельное антикрыло на багажнике, наглухо тонированные стекла – все, кроме лобового, – даже, в нарушение правил, боковые водительские. Кажется, именно она проползала мимо нас с девушкой в первый вечер, когда я провожал Кристину у дома тетушки. Заднего номера у «пятеры» почему-то не имелось – однако, пока она маячила позади меня, я запомнил передний.

Наконец мы подъехали к домику Кристины. Она проживала недалеко от моей тети Марго, на совершенно деревенской, не асфальтированной улочке. Домик у девушки оказался древним: одноэтажная мазанка, крытая шифером. Во дворе кудахтали куры, а через покосившийся плетень переваливались кисти темно-синей «избеллы».

Девушка не торопилась выходить из машины. Выглядела она сумрачно, лицо побелело – разительный контраст с тем веселым существом, что явилось нам с тетушкой позавчера.

– Ты чего? – спросил я Кристину.

– Что-то зябко мне, – передернула она плечами. – Кондиционер у тебя сильный. – Вымученно улыбнулась: – Зайдешь ко мне? Выпьем чаю? – Погладила по плечу и добавила: – Я живу одна.

Молодой мужчина и молодая женщина, вероятно, одно и то же имеют в виду, когда приглашают друг друга в пустой дом на чай. Но, совершенно точно, каждый подразумевает совершенно различные последствия данного приглашения. Для нее, вероятно, оно означало начало красивого романа, где будут поездки на моей «бээмвухе», рестораны, а окончится все переселением в Москву и даже свадебной фатой. А я знал, что все ограничится одним визитом в этот мазаный домик. Поэтому, чтобы не возбуждать в ней несбыточных надежд на невозможное будущее, я отрицательно помотал головой: «Нет, я поеду домой».

– Ну и ладно! – Кристина вылезла из машины и хлопнула дверцей.

Когда я вернулся к тете Марго, первым делом позвонил в Москву старому другу полковнику Перепелкину. Тот чувствовал себя обязанным после того, как я помог ему раскрутить дело исчезнувшей маникюрши, отягощенное убийством Двубратова¹, поэтому охотно откликнулся на мою просьбу.

У бабуленьки на столе во дворе стояла тарелка с инжиром, прикрытая марлечкой.

¹ Подробнее об этом деле читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Слишком много любовников».

– Вы, что ли, инжир собирали? – удивился я.

– Нет, Лия принесла. Такая вся добрая, обходительная – на нее совершенно не похоже. Мы, говорит, с Петром есть не успеваем, варенье варить мне некогда, вот вам, говорит, племянника угостите.

– Что это с ней вдруг случилось?

– Не знаю! Одолевают иногда вдруг приступы душевности. Раз тут принесла мне трехлитровую банку с вином. Я попробовала: кислятина совершенная! Все и вылила.

Я подумал о злом лице Лии и почему-то тут же вспомнил недавнее дело столичного таксиста. Он угощал своих седоков алкоголем или мандаринками – в которые предварительно вкалывал клофелин. Некоторых потом от подобного угощения не смогли откачать.

Может, я параноик, но я сказал о своих подозрениях Маргарите Борисовне.

Она восприняла мои слова серьезно.

– Думаешь, отравить хочет? А ведь Лийка может. Ей-ей, может.

– А если, я говорю совершенно гипотетически, вдруг в одночасье и вы, и я отдадим концы – кому тогда этот дом и сад отойдут?

– Хм. Не знаю. Надо подумать. Может, государству? Никого наследников у меня, кроме тебя, не имеется.

– Может, Лия Сердарина, как соседка, планирует, в случае гибели нас обоих, участок ваш тихой сапой захватить? Или выкупить у государства по дешевке?

– Не знаю. Но лучше давай-ка ты, Паша, отнеси это угощение в уличный туалет, от греха подальше. У нас и своего инжира хватает.

Я так и поступил, и больше мы к разговору о Лие не возвращались.

В тот вечер я починил для Маргариты Борисовны подтекавший смеситель на кухне, наладил освещение в дровнике, чтобы зимой ей нестрашно было ввечеру ходить за дровами.

Ближе к ночи позвонил из Москвы полковник Перепелкин и сообщил то, о чем я у него запрашивал. Правда, я не знал, пригодятся ли мне эти сведения, и если пригодятся, то каким образом.

* * *

Ночью мне опять неважно спалось. Все-таки гостевой домик, как я ни проветривал его, как ни мыл и ни протапливал, сохранял свой сырой, нежилой дух.

Я опять проснулся от чых-то шагов на участке, сопения и хруста веток. Сразу поднялся и выскочил с фонариком на крыльцо. Посветил в ту сторону, откуда раздавались звуки.

В луче фонаря блеснули чьи-то звериные глаза. Затем обрисовались шерстяная туша и маленькая голова с клыками и пяточком. А через мгновение кабан развернулся и бросился вверх по горе наутек, сопя, фыркая и ломая ветки.

Я подошел к дубу, посветил фонарем. Вся почва была изрыта и истоптана.

Утром, когда Маргарита Борисовна потчевала меня блинчиками с инжирным вареньем, я рассказал ей, в самых юмористических тонах, о своем ночном открытии. Она развела руками.

– Вот кто, оказывается, у меня тут по ночам ходит!

– Да, тетушка, надо, наверное, вам на горе ограду строить.

– Правильно говоришь, Павлуша, да только стара я этим заниматься! Вот перейдет тебе участок, будешь забор возводить.

– Маргарита Борисовна, дорогая! Мне и в Москве дел хватает. Вы оставьте наследство Кристинке. Девушка она взбалмошная, но, по-моему, в душе хорошая. Не подведет вас, не бросит.

– Думаешь?

Я уехал на пляж, оставив тетушку в глубокой задумчивости.

* * *

Весь день прошел без происшествий. Я снова провел его на темниковском пляже. Наездов катера больше не опасался – не сомневался, что Петр Сердарин теперь гораздо внимательнее надзирает за принадлежащим ему движимым имуществом.

Вечером к нам с тетей Марго опять явилась Кристинка. Она была изрядно напудрена, но это не помешало нам заметить под ее левым глазом набухающий синяк.

– Это еще что у тебя? – немедленно спросила напрямик бабуленька. Девушка стала уверять лживым голосом, что ударилась о притолоку, но Маргарита Борисовна немедленно увела ее со двора, где мы сидели, в дом, для секретного разговора.

Я слышал, как они там по-женски бубукают на два голоса, а Кристинка иногда всхлипывает.

Потом они явились, и мы попили чаю с остатками пирога. Когда тетя Марго за чем-то вышла, я долго рассусоливать не стал, спросил у Кристины одно: «Это сделал ...» – и назвал фамилию-имя-отчество.

Она вытаращила на меня:

– Паша, откуда ты знаешь?! – но тут снова вошла тетушка и избавила меня от необходимости давать девушке какие бы то ни было пояснения. Затем я вызвался проводить Кристину до дома.

Идти к ней можно было длинным, кружным путем, по проезжим улицам, – а можно напрямик, по горам, заросшим лесом, через ерик, над которым был положен самодельный мост. По моему настоянию мы выбрали короткое и глухое направление.

Кое-где нашу дорогу озаряли поселковые фонари, в иных местах приходилось включать предусмотрительно захваченный с собой фонарик.

Как я и предполагал, ждали нас у мостика через ерик.

– Давай дуй назад, к тете Марго, – шепнул я Кристине. Как мы заранее условились, она беспрекословно прыснула назад. За ней никто не последовал – и это тоже мной ожидалось.

Неприятным сюрпризом оказалось, правда, что мужичков было двое, и один из них – настоящий лось. Острым умом, думаю, этот второй не отличался – иначе вряд ли подписался бы таскать для другого из огня каштаны, неизвестно зачем лезть против мужичка (то есть меня), который из самой Москвы прибыл, и неизвестно, кто за ним (то есть мною) стоит.

– Ты, здоровяк, – сказал я этому второму, – давай-ка в сторону отвали. У нас тут с Артемом свои терки будут.

Они оба удивленно выпучились: откуда жертва знает, как зовут одного из карателей?

А я продолжил:

– Да-да, Артем Прилукин, тысяча девятьсот девяностого года рождения, осужденный условно на три года по статье за хранение наркотикосодержащих веществ, я именно с тобой поговорить хочу.

Первый, он же Артем Прилукин, ощерился, и в свете отдаленного, но мощного фонаря я понял, что за последние дни видел это лицо по меньшей мере трижды: один раз, когда тот, скрываясь за бейсболкой и солнечными очками, управлял катером, который пытался раздавить меня на темниковском пляже; второй – когда он вглядывался из сада в темноту моего гостевого домика. И, наконец, на поселковой дороге, когда он управлял провинциально-пижонской своей белой «пятеркой» с антикрылом на багажнике. Машиной, номер У712ТК, двадцать третий регион, которой он владел на правах собственности. И благодаря которой я (с помощью Перепелкина) установил его личность.

Я контролировал глаза мужичка и понимал, что прямо сейчас мне нападения ждать не приходится, а дальше все будет зависеть от нашего с ним разговора. Когда нас учили боевому

самбо в Высшей школе милиции, то первое, что говорили: в любом случае лучше всего дело до боестолкновения не доводить, а самый оптимальный поединок – тот, который ты выигрываешь благодаря своему словесному воздействию на противника.

– Так вот, Артем Прилукин, – начал я, – ты понимаешь, что вообще-то по краю ходишь? У тебя ведь судимость непогашенная. Я сейчас твоему участковому Колодному позвоню, – фамилия участкового была настоящей, я благодаря другу своему Перепелкину вчера тоже ее выяснил, – и Колодный быстро превратит твой условный срок в реальный. Поедешь зону топтать. И ведь есть за что. Кража плавсредства. Попытка с его помощью убить меня на темниковском пляже. А телесные повреждения, что ты нанес Кристине Рыжих? Она готова заявить на тебя. Не вернуться к тебе, как ты, может быть, надеялся, а именно дать показания, чтобы ты сел и больше она тебя здесь, в Тальянове, не видела. А уж если ты прямо сейчас со мной начнешь кулаками махать, так точно сядешь. И друг твой, что неосторожно помочь тебе подписался, вероятно, тоже.

Артем Прилукин слушал меня внимательно, и даже очень, поэтому я продолжал:

– Я понимаю, ты Кристинку любишь. И ревнуешь ее. И ко мне взрывовал. Типа приехал тут москвич мою девчонку отбивать. Увидел нас на улице у дома Маргариты Борисовны, решил, что у нас роман. Выведал у нее тем вечером, что я на темниковский пляж следующим утром поеду, поэтому угнал у Петра катер, решил меня переехать. Мол, никто концов в воде не отыщет... Но ты пойми: во-первых, ничего у меня с Кристиной не было. И быть не могло. Не люблю я ее. И она меня не любит нисколько. Мы просто разговаривали, дурачились. Поэтому зря ты вообразил, что у нас типа отношения. Ничего, повторяю, у меня с ней не было. Но главное – не это. А то, что она тебя-то не любит. – Он опять оскалился и был готов на меня броситься, обижаясь за ту правду, что я втолковывал ему. Но инстинкт самосохранения брал свое. Артем понимал, что если даже я ему прямо сейчас не накостыляю и они вдвоем вдруг со мною справятся (что далеко не факт), остается его непогашенная условная судимость, которая после драки наверняка превратится в реальное лишение свободы. А я спокойно продолжал:

– Поэтому чего тебе за Кристи бегать и стремиться вернуть? Смирись да найди себе другую бабу, попроще. Мало их, что ли, вокруг? И слушай: до сих пор я тебе по-хорошему говорил. А вот по-плохому: я-то в Москву уеду. Но связь у нас с тетушкой Марго налажена, и если я вдруг узнаю, что ты хоть пальцем Кристинку тронул или даже словесно оскорбил – я тебе спуска не дам. Как ты видишь, связи у меня обширные, я тебя здесь, в Тальянове, из Москвы достану. Понял меня?

Я видел – по лицу, по глазам, – что ему страшно хочется накостылять этому москвичу (то есть мне), выпустить свою дурную энергию, поддаться стихии, выплеснуть адреналин. Но было ему в то же время ужасно боязно: похоже ведь, все, что говорит этот мужик (то есть я) – правда, а начнешь на него (меня) залупаться, и впрямь – последуют санкции.

– Давай, Артем. Счастливо тебе оставаться. И помни: я слежу за тобой.

Я развернулся и спокойно пошел обратно, в сторону домика тетушки Марго. Я ничуть не боялся поворачиваться к врагу спиной, потому что был уверен: он на меня сейчас не нападет. Да и никогда больше, пожалуй, не нападет.

* * *

Что еще могу я рассказать в рамках вышеизложенного дела?

По моему совету Маргарита Борисовна прямо на следующий день серьезно поговорила с Кристинкой и предложила, в обмен на пожизненный уход, завещать принадлежащий ей дом с участком. Девушка согласилась на это предложение, и даже с восторгом.

Еще через день я уехал обратно в Москву.

С тех пор прошло три месяца.

Кристина из своей мазанки переехала в дом тети Марго, и, насколько могу я судить по скайповым и ватсаповским переговорам, живут они душа в душу. Я не обольщаюсь, характеры у обеих сложные, и наверняка еще последуют меж ними непонятки и разборки. Но начало положено, и пока Маргарита Борисовна своей юной компаньонкой нахвалиться не может: заботливая, аккуратная, исполнительная.

С Кристиной я тоже недавно разговаривал. Спрашивал, не возникал ли на горизонте ее былой любовник, ревнивец Артем. Оказалось – нет, и даже, говорят, видели его в поселке с какой-то другой бабой. А к Кристине он ревновать и цепляться перестал.

Что ж, неплохой итог моего недолгого курортного пребывания в Тальянове! Если не считать, конечно, поколотов для тети Марго дров и починенного смесителя.

Экклезиаст ведет расследование

Из рассказов частного детектива Паши Синичкина

Весной все обостряется.

Первыми это замечают влюбленные, врачи-гастроэнтерологи и психиатры.

Но и частные сыщики – тоже. На этот период приходится бум слежек за неверными супругами – да и за партнерами по бизнесу тоже. Поэтому в апрельские денечки ко мне в офис порой натуральная очередь стоит. Так и в этот раз. Чтобы принять следующую посетительницу, мне пришлось выпроваживать предыдущую через запасную дверь, ведущую прямо из моего кабинета в другой коридор. Промариновав просительницу еще минут семь, я попросил мою Римку ее ввести. «Ладно», – буркнула секретарша в интерком весьма неласково, из чего я досрочно понял: клиентка будет девушкой видной. И в моем вкусе. Уж что-что, а за годы совместной работы секретарша мой вкус познала лучше меня самого.

И впрямь: девчонка, пришедшая ко мне, оказалась особой эффектной. Длинные ноги. Короткая юбка. Высокие каблуки. И главное, глаз горит. При взгляде на нее я сразу понял: что-то между нами да будет.

– Присаживайтесь, – бросил я. – Что привело вас ко мне?

Она уселась, целомудренно одергивая юбку – а на деле привлекая дополнительное внимание к своим ножкам.

– Я работаю в газете, – она назвала, я такой никогда не слышал, – и хотела бы взять у вас небольшое интервью. – Девушка достала из сумочки и протянула мне визитку. Екатерина Маврина, никогда не встречал. Да и откуда мне встретить, я ведь газет не читаю. Разве что «Советский спорт», да и то в Интернете.

– Слушаю вас внимательно.

– Вы не возражаете, если я воспользуюсь диктофоном? – Девушка положила на мой стол свой мобильник, включила видеокамеру и нажала пуск.

Далее последовали вопросы, на которые я уже замучился отвечать – от знакомых и журналистов, которые, да, и раньше встречались в моей жизни. Случались ли в моей практике перестрелки, потасовки и прочие силовые действия? Кто из знаменитостей к моим услугам прибегал? Доводилось ли мне нарушать закон и какие у меня отношения с правоохранителями?

Я отвечал коротко и емко. Когда мне надо, я умею произвести впечатление. Екатерина смотрела на меня почти восхищенно.

Когда интервью подошло к концу, она сказала: «Когда я напишу, я позвоню вам. Согласуем статью». А я на это: «А зачем тянуть? Начнем согласовывать прямо сейчас. Например, рядом с моим офисом расположен парк «Кусково». Погуляем по аллеям. А как проголодаемся, зайдем в кафе или ресторан. Я угощаю».

Екатерина мне отвечала, что ход моих мыслей ей в принципе нравится, но сегодня она никак не может разделить со мной досуг или трапезу, сильно занята, но вот если я ей позвоню на недельке, то она, типа, сможет пересмотреть ради меня свое расписание. Так и договорились, и я проводил гражданку Маврину мимо своей Римки, которая смотрела на нас разъяренной мегерой.

С секретаршей моей Римкой отношения у меня сложные. Мы мирно проработали несколько лет, покуда она не возомнила, что влюблена в меня и хочет за меня замуж². Я дал слабинку, и мы даже съездили вместе за границу. Но после пары месяцев совместной жизни она

² Подробнее об этом можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «Бойся своих желаний» (Издательство «Эксмо»).

сказала, что допустила ужасную ошибку и просит меня освободить ее от своего присутствия. И ушла из личной жизни моей, и с работы уволилась. Я перебивался с разными бездарными и туповатыми помощницами битый год, пока Римка наконец не возникла снова и не попросила меня принять ее обратно – пока только на роль секретаря. Притом что не раз и не два она мне заявляла, что мы не созданы друг для друга, она в то же время крайне негативно относится к гражданам, к которым я проявляю не служебный, а личный интерес.

А Екатерина меня, признаюсь, захватила. Поэтому вечером, из дома, я даже пробил ее, а также средство массовой информации, которое она представляла, по всем возможным базам и социальным сетям.

А еще через пару дней она сама позвонила мне, щебетала весело и кокетливо (весна все-таки), и мы в результате беседы уговорились пропустить пункт «культурные мероприятия» и приступить непосредственно к мероприятиям развлекательным, а именно посещению ресторана. Я предложил проверить «Настойки и наливки» на Маросейке.

В заведение она пришла одетой гораздо скромнее, чем первый раз. Оно и понятно: изначальное впечатление Екатерина произвела. Теперь начиналось самое интересное: флирт. Своего рода танец для двоих, который облегчает (или утяжеляет, как получится) совместный путь в койку. И подогревает градус будущей любви.

Моя профессия предполагает умение попытаться и внимательно слушать, а мало что бывает более приятно девушке, чем неприкрытый интерес к ее особе. Я выпрашивал Катрин о ней, любимой. Она охотно щебетала. В ее рассказе она представала служительницей всех возможных муз, нечто вроде да Винчи в юбке. Екатерина, оказывается, не только статьи писала, но и картины акварелью, и в театре играла, и в кино. «Правда, в кино пока одни эпизоды, но тут меня в сериал утвердили, подруга героини, пять съемочных дней».

– А в театре ты кого играешь?

Екатерина скромно потупилась:

– Кормилицу в «Ромео и Джульетте». И Белочку в утренниках.

Попутно я не забывал вливать в нее заявленные в названии ресторана настойки и наливки. В итоге, когда прибыло вызванное мной такси, мы уселись вместе на заднее сиденье и начали целоваться, когда водитель не выехал еще из ресторанного двора. Поэтому ничего удивительного, что следующее утро застало меня в ее постели.

Так начался наш короткий и бурный роман. В кровати девушка оказалась особой страстной, в меру умелой и ласковой. А по ходу дела я узнавал симпатичные подробности ее жизни. Выяснилось, что Екатерина родом не из Москвы, по окончании театрального, три года назад, зацепилась за столицу. Снимает квартиру на пару с подружкой, тоже актрисулей. Бегают по кастингам и пробам. На телевидении порой играет маленькие роли в дневных шоу. Разные сплетни, что становятся ей известны по ходу, сливает под псевдонимом в газету «XXX-пресс». Она даже прониклась и подарила мне акварельку собственного производства. Я в живописи понимаю слабо, но картина мне понравилась. В основном позитивным мироощущением. Изображен был берег моря, лодки, маяк, жара, парус. Я сказал Кате, что повешу акварель в офисе.

– Смотри, чтобы твоя секретарша ее не изрезала, – предостерегла Катя, из чего я сделал вывод, что она не только умна, но и наблюдательна.

– Ничего, – успокоил я, – не скажу, что она твоя. Скажу, что художника НН, с которого я снял обвинение в педофилии.

По ходу нашего романа выяснилось, что на длинные майские выходные ни она, ни я из Москвы никуда не уезжаем. В связи с ростом курса цены за границей для русских возвысились катастрофически. Но я вкручивал Катерине иное: зачем выезжать, ведь лучше мая ничего прекрасней в столице не бывает – и не кривил душой. А она заверяла меня, что не отправляется на отдых оттого, что весна – время запусков разнообразных сериалов, поэтому ей придется бегать на кастинги.

На самый Первомай она пригласила меня на дачу к своим друзьям. По каким-то мало-уловимым признакам я понял, что мое общество для нее в этот раз важно. Коль скоро ее родители далеко, она, видать, хотела, чтобы меня оценил ее круг. А я что? Я себя не стесняюсь. Готов предстать пред взыскательными взорами ее друзей в полной своей красе.

Дача, где нас ждали, оказалась от Москвы настолько далеко, что была скорее близко к Петербургу. По праздничным пробкам мы тащились туда так долго, что неоднократно пришлось останавливаться: первый раз, на заправке, по Катериной просьбе, чтобы справить естественные надобности, другой раз, по моему требованию, чтобы пообедать, и в третий, в глухом тверском лесу (по обоюдному согласию), чтобы предаться стремительной любви.

Если друзья Кати, когда выбирали место для возведения собственного особняка, искали самую глухомань, то они достигли своей цели. Дорога с автострады плавно ухудшилась до изрытой ямами двухполоски, а потом до покрытой лужами грунтовки. Промелькнул поселок – половина домов заколочена, в бывшей церкви давно провалилась крыша. Еще километров десять, и мы подоברались к нашей цели. В блеске весеннего солнца бликовала река. «Надеюсь, это не Енисей», – пошутил я. Моя спутница оценила шутку.

По-над рекой, почти на самом крутом берегу, возвышался особняк. Никаких заборов или плодовых деревьев. Счетчик километража показывал триста пятнадцать от Москвы. Вокруг нетронутая трава, а в ней – пара живописно разбросанных автомобилей: неслабых – «Рейндж ровер», «Порше Кайен». «Гости уже собрались», – шепнула мне Катя.

Мы выбрались из машины. Воздух и впрямь был чистейший, хоть закупоривай его в банки и отправляй в столицу на продажу. Наперебой заливались весенние пичужки. Неподалеку от особняка начинался лес, одевающийся, словно в зеленый пух, в молоденькие, многообещающие листочки.

Я достал из багажника наш скромный вклад в грядущую трапезу: пару бутылок виски, джин и сухое. Катерина вытащила собственноручно испеченные пирожки с рисом-яйцами: «Как бабушка делала». Разумеется, пирожками ей хотелось произвести впечатление не столько на своих приятелей, сколько на меня. Скрывать не буду, ей это удалось.

На высокое крыльцо вышла встречать нас хозяйка. «Марина, – шепнула мне Катя. – Актриса. Жена». Марине было лет под сорок, а может, все сорок пять. То ли оттого, что моя спутница сказала, что женщина из артистических кругов, то ли потому, что внешность у нее была самая типичная, мне показалось, что я хозяйку где-то видел. Типаж у нее был свойской бой-бабы. Полная, но не рыхлая, а плотно сбитая. Мощные руки, короткие толстые пальцы с вызывающим алым маникюром. Такими в старых советских фильмах изображали продавщиц пива и прочих буфетчиц.

– Явились – не запылились, – густым, хорошо поставленным голосом приветствовала нас хозяйка. – Ну, давай, Катюха, знакомь меня со своим. Ишь, какого молодчика отхватила! – И она, еще до представления, фамильярно шлепнула меня пониже спины. От того, как зажглись при виде меня ее глазки, и от исходящего от нее крепкого запаха алкоголя я понял, что баба она и впрямь не промах, и муженек (если только он у нее имеется) от нрава ее, вероятно, немало страдает.

После процедуры знакомства мы вошли в дом. Внутри он оказался с легким индуистским привкусом, что совершенно контрастировало с хабалистым образом хозяйки. Где-то курились благовония, наполняя воздух ароматом жженого дерева. В прихожей всех встречал Ганеша в половину человеческого роста из черного дерева. Свет был приглушен, задрапирован цветастой материей. Исподволь наигрывала восточная музыка: ситары всяческие или, я не знаю, саранги.

К нам подошел и стал знакомиться, обнюхивая, абсолютно черный наглый кот. «Брысь, Эkki», – отогнала его хозяйка.

– Эkki? – удивился я. – А какое полное имя?

– Экклезиаст.

«Ого!» – только и оставалось воскликнуть про себя.

Тут возник хозяин – и вот он к реквизиту из фильма «Зита и Гита» подходил идеально: бледный, болезненно худой человек лет сорока пяти. Буквально кожа и кости. Глубокие тени под глазами.

– Гена, – сказал он и подал холодную, влажную руку.

– Он тоже актер, – шепнула мне Катя, когда мужчина отошел. Но его я нигде раньше не видывал – впрочем, может, в массовке заключенных концлагеря.

Мы прошли в гостиную-столовую. Она была в два света и огромной, площадью метров пятидесяти. Как полагалось в архитектурных журналах, делилась на две зоны. Одна – для отдыха, с длинным диваном, креслами, камином, здоровенным телевизором. И вторая – столовая, где царил длинный стол с восемью пока не занятыми стульями.

Стол оказался накрыт закусками. Мы с Катей передали хозяйке наш вклад в трапезу. Часть моих бутылок отправили в холодильник, часть выставили. Катины пирожки вывалили на блюдо. Наскоро мне были представлены остальные гости.

С особенным почтением все присутствующие относились к стройной даме в эффектном брючном костюме. Немудрено, если род занятий ее произносился собравшимися с придыханием: Эльвира, продюсер. Даме на вид было лет тридцать пять, что означало в действительности, что ей под пятьдесят. Ее сильно выдавала неестественно натянутая и блестящая кожа на лице. Когда нас представляли друг другу, в ее глазах, как и у хозяйки дома, вспыхнул огонек специфически женского интереса. Вспыхнул – но, слава богу, сразу погас. А то потом не отобьешься, и никакая юная Катерина не поможет – тем более что она, как и большинство здесь собравшихся, была от продюсерши Эльвиры, похоже, сильно зависима.

Присутствовала еще одна пара: седой и длинный молчаливый господин и его супруга, легко годящаяся на амплу «графиня со следами былой красоты». Господин сам представился мне, протянув руку: «Вениамин, брат». На мой резонный вопрос: «Брат – чей?» он отвечал просто: «Хозяина, Гены». Графиню со следами былой красоты звали Верой.

Наконец суматоха, вызванная нашим приездом, утихла, и хозяйка пригласила всех к столу. Рассадку она осуществила таким образом, что мы с Катей оказались лицом к брату Вениамину, «графине» Вере и продюсерше Эльвире. Еще одно место напротив нас оказалось вакантным. В одном ряду с нами оказались исхудавший хозяин, а также дебелая хозяйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.